

ИСТОРИЯ РАЗВЕДКИ

ЧИТАЙТЕ
В ИЮНЕ

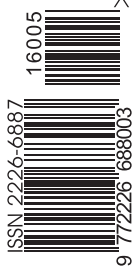
ДИЛЕТАНТ

№ 005

май 2016

<http://diletant.media>

Воительницы

Княгиня Ольга: МСТИТЬ ПО-РУССКИ

Сергей Цветков

Появление Ольги в качестве действующего лица русской истории напоминает молниеносный разящий прыжок тигрицы, доселе таившейся в лесной чаще. Энергия, решительность, отвага, коварство и расчетливая свирепость ее действий ужасают и завораживают одновременно.

Сказание о смерти Игоря и мести Ольги появились, по всей вероятности, в XI веке. Причем сказание о смерти Игоря, похоже, сложилось несколькими

десятилетиями раньше сюжета об Ольгиной мести, поскольку ему присуща большая географическая и терминологическая точность. Игорь отправляется в поход в «Дерева», которые во вводной части «Повести временных лет» отнесены

к району Северного Причерноморья, а не в «Деревскую землю», которую усмиряет Ольга и которая при последующем упоминании локализуется на правом берегу Днепра. Во времена Нестора оба сказания уже составляли единый цикл, на что указывает

Первая месть княгини
Ольги древлянам.
Радзивилловская летопись, XV век

их сюжетная преемственность и наличие одного и того же антигероя — князя Мала.

К сожалению, оригинальный текст этого героического цикла безвозвратно утерян. В «Повести временных лет» мы имеем дело не с первоисточником, а с произвольным его пересказом, причем настолько небрежным, что можно говорить о непоправимой порче структуры и самого смысла всего произведения. Наглядное свидетельство сокращения летописцами первоизданного текста сказания находится в Переяславско-Суздальской летописи, которая сохранила фрагмент, не вошедший ни в какой другой список «Повести временных лет», — так называемый сон князя Мала: «Князю же веселие творящу к браку, и сон часто зряше Мал князь: се бо пришед, Ольга даяше ему порты многоценны, червени вси, жемчугом иссаждены, и одеяла черны с зелеными узоры, и лодыи, в них же несеным быти, смолны».

Изъятие сна Мала из большинства летописных списков объясняется, по всей вероятности, вмешательством духовной цензуры XII-XIII веков. Язы-

ческая вера в «вещие» сны, в «сонное мечтание» противопоставлялась христианской духовной трезвости. Изборник 1076 года поучает: «Яко же емляи ся за стень и гоняи ветры, тако же емляи веру сном», то есть верить сну — то же

Судьба главного виновника убийства ее мужа остается неизвестной

самое, что верить видениям (теньям, призракам) и дуновению ветра.

Но что всего поразительнее, так это необъяснимое исчезновение князя Мала из всех известных списков «Повести» сразу после его сватовства к Ольге. Внезапное забвение этого персонажа оказывается настолько полным, что он не обнаруживается даже в своем родовом граде Коростене/Искоростене, захваченном войском Ольги. В итоге получается, что месть Игоревой вдовы обрушивается на всех, кроме главного виновника убийства ее

мужа, судьба которого так и остается неизвестной.

Утрата целых сюжетных линий первоначального текста, переработка оставшегося материала в качестве «исторических сведений» тем печальнее, что «древлянский» цикл в целом имеет ценность прежде всего как литературное произведение. Своими стараниями переделать его в «историю» древнерусские книжники лишь безнадежно загубили красоту и стройность художественного замысла, нисколько не приблизившись к исторической достоверности.

«Древляне» шлют новых послов на убой, не дождавшись возвращения прежних; Ольга перед большим карательным походом, «поймши мало дружины», отправляется в «Дерева», избивает на могиле Игоря 5000 «древлян» и целой и невредимой возвращается в Киев; голуби и воробьи летят в свои гнезда, неся на лапах горящую серу (такое поведение птиц совершенно неправдоподобно), в результате чего «вси бо двори взгорешася», — все это, конечно, очень далеко от действительности...

Исследуя фольклорно-литературные корни сказания об Ольгиной мести, норманисты еще в XIX веке постыжились отнести их к заимствованиям из скандинавского эпоса. Например, по поводу сожжения Ольгой «древлянских» послов в бане Федор Буслаев, вслед за Шлецером и Погодиным, заметил, что эта «казнь очень обыкновенная в северных скандинавских сагах».

Но ведь для того, чтобы говорить о заимствованиях, мало одного факта сожжения (людей или города) — необходимо также совпадение обстоятельств и причин событий. Между тем этого-то и не видно. Например, Елена Рыдзевская сопоставляла сожжение послов Ольгой с рассказом саг о том, как шведская королева Сигрид Сторрада

Вторая месть княгини Ольги
древлянам. Радзивилловская
летопись, XV век

(Суrowая) сожгла двух своих женихов: «А она посчитала себя униженной тем, что к ней посватались мелкие конунги, а их самоуверенными, поскольку они посмели мечтать о такой королеве, и поэтому сожгла она тогда их обоих в доме одной ночью».

Сближение обоих сюжетов, на мой взгляд, ничем не оправдано. Ольгу тоже коробит сватовство Мала, но мстит она прежде всего за убийство мужа, а не за свое оскорбленное величие. Сигрид из саги похожа не на Ольгу-мстительницу, а на сказочную царевну Змеевну, которая сжигала посватавшихся к ней добрых молодцев в печи. Невесты из русских сказок, как правило, существа двуликие. «Те, кто представляют себе царевну сказки только как „душу — красную девицу“, „неоцененную красу“, что „ни в сказке сказать, ни пером описать“, ошибаются, — писал Пропп. — С одной стороны, она, правда, верная невеста, она ждет своего суженого, она отказывается всем, кто домогается

ее руки в отсутствие жениха. С другой стороны, она существо коварное, мстительное и злое, она всегда готова убить, утопить, искалечить, обокрасть своего жениха, и главная задача героя, дошедшего или почти дошедшего до ее обладания, — это укротить ее».

В древнерусском фольклоре Ольга также приобрела этот сказочный ореол невесты-губительницы. Павел Якушкин записал устное предание, бытовавшее в Псковской земле, о том, как к Ольге сватался некий князь Всеволод. Этому жениху его дерзость, правда, сошла с рук — рассказчик закончил свою повесть тем, что Всеволод «отстал от Ольги», но добавил: «Много она князей перевела: которого загубит, которого посадит в такое место... говорят тебе, гораздо хитра была». Замечательно, что один «восточный» конунг из Аустрвега, который сватался к Сигрид и был ею сожжен, тоже носит в саге имя Всеволода (Виссвальд). Так, при ближайшем рассмотрении оказывается, что скандинавское сказание о королеве Сигрид на самом деле формировалось не без влияния древнерусского фольклора.

Степан Гедеонов писал о совершенном обратном направлении заимство-

вания сюжетов и эпизодов «Ольгиного эпоса» — от славян к скандинавам. По его словам, между русским сказанием о мести Ольги и скандинавскими сагами «есть все отличие оригинальных проявлений народного духа от сухого, искусственного подражания неискусных литературных промышленников... Скандинавских сказочников поразило одно — военная хитрость; они пользуются ею при рассказе о взятии всевозможных городов, даже таких, которых не знают по имени; одного только не могли

Третья месь княгини Ольги
древлянам. Радзивилловская
летопись, XV век

Четвертая месть княгини Ольги древлянам. Радзивилловская летопись, XV век

они придумать: средства к получению из осажденного города голубей и воробьев. Фридлев ловит ласточек под Дублином; Гаральд смолит целый лес под стенами неизвестного сицилийского города».

Весьма показателен в этом отношении фрагмент из «Датской истории» Саксона Грамматика: «Хадинг [шведский конунг] пошел войной на Хандвана, царя Геллеспонта, к городу Дюна, обнесенному неприступными стенами... Поскольку стены являли непреодолимое препятствие, он приказал опытным птицеловам наловить различных птиц, обитающих в жилищах этого вражеского народа, и прикрепить к их перьям зажженные фитили. Птицы, возвращаясь в свои гнезда, зажгли город. Горожане, бросившиеся тушить пожар, оставили ворота без защиты».

Легко увидеть, что в русском сказании сюжету о «птичьей дани» придан характер естественности: «древляне» сами выдают Ольге гнездящихся в их домах птиц, тогда как у Саксона «опытные птицеловы» каким-то образом вылавливают их «в жилищах» еще не взятого города — трудно представить, как такое вообще возможно.

Словом, вторичность соответствующих эпизодов скандинавских саг по отношению к русскому преданию вполне очевидна, хотя следует заметить, что сам сюжет о взятии города при помощи птиц (или животных) не является достоянием какого-то одного народа.

Сам же сюжетный мотив мести можно считать характерным для древнерусского эпоса и литературы. Чуть ли не в каждой былине русские богатыри мстят врагам за какую-нибудь обиду — иногда личную, иногда нанесенную князю или всей Русской земле. Способы возмездия впечатляют: Волх Всеславьевич «ухватывает» «индейского царя» и, ударив о «кирпичетый» пол, расшибает его «в крохи говенные»; Добрыня «проучивает» свою неверную жену Марию Игнатьевну, отсекая ей руки, ноги, губы, нос и язык; Илья Муромец надвое разрывает «удалую поляницу» (кстати, свою дочь), наступив ей на правую ногу и дернув за левую, и т. д.

Сказание об Ольгиной мести обнаруживает органичное родство с духовно-нравственным строем древнерусской жизни. «При тогдашней неразвитости общественных отношений, — пишет Сергей Соловьев, — месть за родича была под-

Русская Правда возводит месть в нравственный закон

вигом по преимуществу; вот почему рассказ о таком подвиге возбуждал всеобщее живое внимание и потому так свежо и украшенно сохранился в памяти народной».

И в самом деле, Русская Правда возводит месть в нравственный закон: «Убьет муж мужа, то мстить брату брата, или сынови отца, любу отцу сына» и т. д. И это тот редкий случай, когда нравственный закон безраздельно торжествует в жизни. Владимир мстит Рогнеде за отказ выйти за него, насилуя ее на глазах

у родителей, а она, в свою очередь, замышляет его убийство в отместку за свою поруганную честь. Не забывшие этой обиды Рогволожичи поколение за поколением поднимают меч «противу Ярославим внуком».

Массовое истребление врагов без различия пола и возраста не только не являлось чем-то необыкновенным и неслыханным в Древней Руси, но, напротив, было чрезвычайно характерно для «русского» обычая ведения войны. «Высадившись в стране какого-нибудь народа, — пишет Ибн Русте, — они [русы] не уходят, пока не истребят своих противников, не изнасилуют их жен и не обратят оставшихся в рабство». Зарубежные источники и наши летописи пестрят подобными сообщениями. Патриарх Фотий, вспоминая набег русов на Константинополь в 860 году, говорит: «Он [народ „рос“] разоряет и губит все: нивы, пажити, стада, женщин, детей, старцев, юношей, всех сражая мечом, никого не милуя, ничего не щадя...». «Им [русам] было чуждо какое-либо чувство пощады к самым близким», — ужасается автор «Записки греческого топарха», ставший свидетелем усмирения русами населения Северного Причерноморья в конце X века, когда «они [русы] постановили не прекращать убийств» и опустошать земли непокорных народов даже «во зло и ущерб себе». А вот достопамятный приказ былинского Волха Всеславьевича своей дружине, как будто списанный с этих исторических сообщений:

*Гой еси вы, дружина хоробрая!
Ходите по царству Индейскому,
Рубите старого, малого,
Не оставьте в царстве на семена,
Оставьте только мы по выбору
Не много не мало — семь тысячей
Душечки красны девицы!*

Так зачем же ходить далеко, выискивая заморские влияния на самобытное произведение нашего фольклора? Закон русский и самая русская жизнь X века — вот подлинные источники сказания о мести Ольги, а вовсе не германский эпос. ▽

ДИЛЕТАНТ